
ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК

Траектории старения женщин в современной России¹

И.А. ГРИГОРЬЕВА*, И.Л. СИЗОВА**

***Ирина Андреевна Григорьева** – доктор социологических наук, профессор, кафедра теории и практики социальной работы, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; Центр технологий электронного правительства, Университет ИТМО. Адрес: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й под. E-mail: soc28@yandex.ru

****Ирина Леонидовна Сизова** – доктор социологических наук, профессор, кафедра прикладной и отраслевой социологии, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. Центр технологий электронного правительства, Университет ИТМО. Адрес: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й под. E-mail: sizovai@mail.ru

Цитирование: Григорьева И.А., Сизова И.Л. (2018) Траектории старения женщин в современной России // Мир России. Т. 27. № 2. С. 109–135. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135

В центре внимания авторов статьи находятся траектории старения женщин в современной России, которые трансформируются в условиях увеличивающейся продолжительности жизни, сокращающихся ресурсов на обеспечение старости и возрастающей неопределенности будущего. На материалах современных зарубежных и российских социологических исследований анализируются концепт старения и представления о положении пожилых людей в мире. Авторы приходят к выводу, что необходимо переосмысление места старшего поколения в обществе, акцентирование потенциала нынешних и будущих пожилых. Эта переоценка представляет вызов как для социологической науки, так и для социальной безопасности общества. Исключение эйджизма, т.е. возрастной дискриминации на институциональном уровне и в общественном дискурсе, предполагает кардинальную смену парадигмы старения и вовлечения пожилых во все стороны социальной жизни, помощь им в выстраивании жизненных стратегий в условиях множественности выборов.

¹ Исследование выполнено в Университете ИТМО на средства гранта Российского научного фонда по теме «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии» (проект №14-18-0343).

Вторая часть статьи посвящена дискуссиям о современном феномене феминизации старости, которые детализируют картину происходящих изменений в стратификационных моделях и неравенствах, формируют отдельные «миры» старости. Особенно негативная ситуация складывается в России, где быстро растет доля пожилых женщин, а их социальная изоляция поддерживается на нескольких уровнях: в системе занятости, в частно-семейной сфере, в самоорганизации и в субъективном восприятии собственной жизни.

Теоретические послы данной статьи послужили толчком для прикладного изучения основных особенностей старения российских женщин после 50. На базе данных трех волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ (2009, 2011, 2015 гг.) изучались проблемы занятости, самоидентификация, формы активности и потребности в организации жизни российских женщин. Активным во второй половине жизни российских женщин является возраст от 50 до 60 лет, затем следует заметный спад. Структура и виды жизненных занятий российских женщин вне трудовой деятельности в целом похожи и являются традиционными. Их интенсивность и разнообразие варьируются в зависимости от нескольких взаимосвязанных компонентов: возраста женщины, вовлеченности в профессиональную деятельность, семейного положения, материального обеспечения и состояния здоровья.

Ключевые слова: траектории старения женщин, поколения пожилых, феминизация старости, особенности жизни, формы активности, идентичность

Современные дискуссии о пожилых и старении

Современная российская социология, в которой темы социальной стратификации и неравенства являются традиционными и постоянно изучаются, пока недостаточно продвинулась в понимании и объяснении феноменов современного старения и положения пожилых, возрастной стратификации и возрастного неравенства. Современный концепт «общества для всех возрастов» как антитеза «кризису или угрозе старения» сталкивается с проблемой его рационализации как в отечественной социологии, так и в российской действительности. Подчеркнем, что общество должно затрагивать существенно больше тем, нежели исключительно дискуссию об активном и благополучном долголетии, о котором уже немало написано [Мадридский план 2002; Рогозин 2012; Шмерлина 2016; Низамова 2016].

Даже в самых благополучных странах социальные страховые системы с трудом справляются с растущими объемами обязательств, что ведет не только к повышению пенсионного возраста и росту налогов, но и к обвинению пожилых в эгоизме и «проедании будущего» [Хиггс, Джиллеард, Рис Джонс 2014]. Исходя из этого, совершенно необходимо переосмысление места старшего поколения в обществе. При каких условиях пожилой человек становится не обременением, а ресурсом для развития общества? Переход к пониманию качеств этого ресурса и вариантов его использования в интересах самих пожилых, экономики и общества пока только намечается. Вряд ли будет преувеличением отметить, что старение, как почти тридцать лет назад отметил М. Кёли, продолжает оставаться испытанием для социологической теории [Kohly 1988].

В середине 1980-х гг. было доказано, что прежние механизмы и технологии обеспечения социальной безопасности общества и пожилых стремительно устаревают. У. Бек сделал вывод об индивидуализации жизненных путей и необходимости индивидуализации социального страхования. Но общество риска предполагает понимание характера изменения рисков и опору на какие-то известные сценарии развития, но в настоящее время мы видим, скорее, общество неопределенности – новую ситуацию, когда открытые системы/подсистемы общества развиваются по неизвестным сценариям [Бек 2000; Zinn 2008]. Более-менее определенным моментом меняющихся сценариев можно считать тот факт, что речь идет об отказе от восприятия старости в качестве периода покоя [Ausgewählte Beiträge zum „Aktiven Altern“ 2012]. Старость теперь представляется как пласт жизни, выходящий за рамки рынка труда, семьи и обеспечения при помощи социальной политики. Старшие поколения рассматриваются, скорее, как динамические образования, идентичность которых носит контингентный характер, т.е. конструируется и модифицируется в локальных условиях, становится культурно (а не только биологически) обусловленной [Kaessmann 2006, pp. 27–33; Kolland 2015].

Российские социологи также неоднократно подчеркивали, что старость и пожилой возраст являются социальными конструктами [Григорьева 2006; Божко, Здравомыслова 2015], поскольку возраст приписывает разные смыслы и задачи различным этапам жизненного пути человека в том или ином обществе. В связи с разделением смыслов обосновывается идея о нелинейности «проекта жизни», возможности неоднократного повторения социальной молодости (повторных вступлений в брак, рождения детей в относительно позднем возрасте и, наконец, возможности и необходимости «образования через всю жизнь», повторения циклов образования). Появляется возможность создания индивидуализированного, авторского сценария жизни, далеко уходящего за пределы привычной схемы «родился, учился, женился, работал, ушел на пенсию, умер» [Григорьева, Видясова, Дмитриева, Сергеева 2015].

Но старение в условиях большей индивидуализации жизненного пути, деинституционализации старости и роста продолжительности жизни содержит не только новые возможности развития, но и риски надлома, когда теряются привычные и понятные смыслообразующие нити жизни, особенно в современном обществе, в котором длительная фаза относительно обеспеченной и благополучной старости становится новым феноменом, а отсутствие готовых схем вынуждает каждого самостоятельно выстроить свой собственный жизненный проект. В то же время стадийное понимание жизни все еще общепринято, а рефлексивность в отношении таких очевидных вещей, как возраст, вызывает недопонимание. Ситуация напоминает дискуссии о соотношении биологического и социального в женщинах, т.е. о биологическом поле и гендере. Но за дискуссией о гендере стоит массовый приход женщин на рынок труда в условиях, когда экономика в этом нуждается. Оспаривание же целесообразности принятия «роли пожилого» или необходимости ухода на пенсию в сегодняшней ситуации сужающегося рынка труда выглядит менее благоприятной для пожилых. Таким образом, современное представление о старости – это не только выбор в условиях множественности и открытости индивидуальных и социальных альтернатив, но и переработка ее значения как существенной фазы жизни.

Забота, работа, семья...

На международном уровне научной дискуссии о пожилых уже утвердился «подход развития», сменивший, но не отменивший «подход заботы». Новый подход предполагает, что государственная политика обеспечивает участие пожилых во всех сферах жизни общества [Григорьева, Келасьев 2016]. Но вопрос о том, как вообще нужно выстраивать жизненный путь, зачем и как долго жить и, особенно, долго работать, не слишком занимает российских специалистов социологии старения. Квалифицированные и успешно занятые пожилые объявляются исключением из правил, хотя именно они должны стать и нормой, и примером, продвигаемым СМИ, вместо несчастных, больных и бедных пожилых, все проблемы которых сводятся к маленькой пенсии. Такой образ пожилых эксплуатируют СМИ, хотя именно он деформирует восприятие и делает прикрытый маской «заботы» эйджизм привычным. При таком подходе пожилые люди рассматриваются как заложники существующей социальной системы, жертвы «институционализированных нарушений» [Galtung 1990; Pleasants 2008]. Навязывание извне такой идентичности прямо влияет на темпы старения, качество жизни и потребность во внешней помощи в любом возрасте.

В сложившихся традициях анализа социальной политики необходимо точнее определить задачи государства, бизнеса и СМИ, а также гражданского общества, в том числе НКО/НГО, для того чтобы не только опекать и обеспечивать, но и поддерживать занятость пожилых, адекватно оценивать их роль в современной экономике, менять тональность освещения проблем пожилых в СМИ. Так, в интервью «Комсомольской правде» министр труда и социальной защиты РФ М.А. Топилин заявил: «У меня есть несколько сотрудников, которые уже к 70 годам. Скоро у них возможности на госслужбе работать не будет. <...> Они работоспособны и обладают такими знаниями, каких у молодых людей не может быть. Они фору дадут кому угодно с точки зрения активности и продуктивности» [Топилин 2016]. Очевидно, что официально работающие пенсионеры – мечта любой власти, однако российское государство ведет себя по отношению к ним как к нарушителям социального контракта, периодически иницилируя обсуждение отъема пенсии у работающих пенсионеров. Добавим также, что таким работающим квалифицированным пенсионерам не кто-то (государство, молодежь и т.п.) платит пенсию, фактически они получают пенсию с отчислений от собственной зарплаты. Этот важный момент вуалируется, создавая впечатление, что пожилые – всегда получатели в межпоколенческих трансфертах и ноша (*burden*) для бюджета. Однако разные формы помощи идут, скорее, от старших к младшим, что убедительно показали С.Ю. Барсукова и Е.В. Гладникова [Барсукова 2005; Гладникова 2007].

Роль пожилых как субъектов семейной помощи и заботы требует дополнительного изучения. В эпоху развитого социализма в связи с нуклеаризацией семьи и развитием детских учреждений казалось, что значение прародителей в семье, по крайней мере городской, уменьшается: так, в довольно обстоятельной работе З.А. Янковой [Янкова 1978] о пожилых женщинах и их семейных или производственных ролях ничего не говорится. Точнее, женщины в книге З.А. Янковой как бы не имеют возраста, но изложение фокусируется вокруг проблем, характерных для женщин, совмещающих трудовые и семейные заботы, имеющих детей не стар-

ше школьного возраста. В этой же книге цитируется одно из первых биографических исследований женщин в СССР [100 интервью 1975], где главной идеей становится мысль о том, что кем бы ни была женщина (министром или работницей), она никогда не утратит права быть матерью и хозяйкой. О том, что она еще может быть бабушкой и заботиться о детях и внуках, просто не упоминается. Значимость контактов прямых родственников разных поколений, в основе которых лежит стремление к общению, эмоциональной поддержке и взаимопомощи, впервые была исследована группой ленинградских социологов [Ружже, Елисеева, Кадибур 1983]. Значение мотива заботы о детях и внуках исследовал и В.Д. Шапиро, по данным которого, 49% женщин и 29% мужчин считали, что после выхода на пенсию они стали приносить семье больше пользы [Шапиро 1980, с. 48].

В настоящее время и для общества, и для самих пожилых задача, видимо, связана с тем, чтобы более дифференцированно воспринимать пожилых, разделить «третий» и «четвертый» возраст, соответственно, права и обязанности «молодых пожилых» и «пожилых пожилых» для модернизации идеологии и форм поддержки. В этой связи задача построения общества для всех возрастов заключается в переосмыслении ценности разных этапов жизненного пути. В современных условиях приоритетная миссия «молодых пожилых» – это продление занятости за границы принятого сейчас, реально не только устаревшего, но и дискриминационного, пенсионного возраста. Возможно, государство должно задуматься как о механизмах повышения пенсионного возраста, так и (в идеале) о снятии законодательных ограничений «трудоспособного возраста», чтобы пенсия начислялась в первую очередь исходя из страхового стажа. Приоритетная задача для «совсем пожилых» может заключаться в продлении периода самообслуживания, в развитии навыков заботы о себе, минимизации внешней помощи, а всему обществу (и молодых, и уже не молодых) необходимо развивать ответственность за собственное старение, привычку к планированию жизни.

На индивидуальном уровне характер протекания биографии человека также изменился: в настоящее время в стабильном течении жизни возникают разрывы, разрастается пространство неопределенности в трудовых, брачных и семейных сценариях. Представление о линейности жизни уже уходит в историю. Меморализация нашего советского прошлого в индивидуальных биографиях столь же противоречива, как и официальные версии прошедшей эпохи, которая оказалась «непредсказуемой», не соответствующей воспоминаниям очевидцев. Сегодня осознается, что не только установка «история – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет» [Хальбвакс 2005], но и биография каждого может рассматриваться в разной оптике. Эти изменения драматически воспринимаются пожилыми людьми, которым кажется, что их социальный опыт и, более того, жизнь обесценились, при этом способности пожилых к социальной адаптации зачастую снижены, а ощущение конечности жизни обострено. Это характерно для пожилых в разных странах, поскольку, по мнению авторов книги “The Life Cycle Completed: Extended Version”, практики воспоминаний позволяют пожилым людям осуществить ревизию жизненного опыта, избежать отчаяния, достичь интегрального эго и помогают принять свою жизнь такой, какова она есть без сожаления и с чувством удовлетворения. Но многие индивиды вообще не обращаются к пересмотру жизни, а иногда такие практики погружают их в депрессию и повышают степень тревожности [Erikson E., Erikson J. 1997]. Особенно это

касается пожилых женщин, тем более российских, так как наше общество весьма архаично и рано от них отказывается, исключая их из трудовой и общественной активности и считая обслуживание внуков и детей наилучшим уделом бабушек.

Дискуссия о возрастных нормах старения

Для данного этапа дискуссии наиболее эксплуатируемыми являются статусы «пожилкой» и «пенсия», которые к тому же часто приравниваются друг к другу [Григорьева 2006]. В настоящее время активно внедряются обозначения «“третий” и “четвертый” возраста» для характеристики периода жизни после выхода на пенсию [Григорьева 2016; Низамова 2016], при которых для первого важны личностный рост, активность и вовлеченность в общественную жизнь, а для второго – отношение заботы и поддержка. Эта концепция в значительной степени исключает соотнесение с календарным возрастом пожилых и предполагает отказ от разделения жизни на периоды обучения, занятости и покоя. «Третий возраст» связывается с продолжением полноценной жизни, во время которой важны образование, работа и свободное время. И только «четвертый возраст» жизни все чаще называют «поколением бабушек», во время которого пожилые ищут новые модели самоидентификации после окончания периода трудоспособности [Roloff 2006, p. 53]. Однако именно отказ от окончания занятости, особенно в сферах творческой деятельности, ведет, по мнению известного геронтолога В.Н. Анисимова, к полноценному долгожительству [Анисимов, Жаринов 2013].

Однако в российских публикациях нередко встречаются попытки привязать оба периода к определенному возрасту пожилых людей. Так, Д.М. Rogozin определяет «третий возраст» жизни как период между 60 и 70 годами и соотносит разделение с реальным временем отказа от профессиональной занятости большинства пожилых людей [Rogozin 2012]. Одновременно он отмечает, что началом старения может быть и 50 лет [Rogozin 2012, с. 67], поскольку этот возраст согласуется с обыденными представлениями о повороте жизни к ее концу. Многие российские исследователи указывают, что существенные изменения в жизни старших поколений в России наступают в связи с достижением пенсионного возраста, поскольку отсутствует надлежащая подготовка к старости, в том числе и в субъективном плане [Григорьева 2006; Rogozin 2012; Елютина, Трофимова 2017]. Пенсионный возраст (для женщин – в основном с 55 лет) осмысливается как предел, за которым основные усилия должны быть направлены на исключение сложных профессиональных дел, сужение жизненных интересов, добровольное переопределение себя в качестве одиночки, принятие только специфических ролей пожилых. И это зачастую реализуется, хотя ключевыми параметрами самодостаточной старости выступают положительная оценка своего здоровья, продолжение профессионального труда или любой другой активности [Rogozin 2012; Сизова 2016].

В реальности старение в России отличается от общепринятого представления о нем: так, значительное число пожилых после достижения пенсионного возраста продолжает еще некоторое время работать. Экспертные оценки колеблются между 30% и примерно половиной «молодых» пенсионеров, продолжающих работать.

Зачастую пенсионеры работают «по договоренности» в качестве сторожей, вахтеров, нянь, домашних помощниц и поэтому не учитываются официальной статистикой занятости. Д.М. Рогозин, опираясь на данные исследования пенсионеров Ивановской области, указывает на наличие так называемой естественной границы прекращения массовой занятости пенсионеров в России, которая наступает только около 70 лет [Рогозин 2012]. Немногом ранее, в 2006 г., исследование в рамках международного проекта SPRILO (*Reduction in Leningrad oblast'*) [Реформа системы 2007] показало, что в Ленинградской области не работало большинство пенсионеров (84%). Таким образом, оценки массовости и продолжительности занятости пенсионеров, а также характера профессиональной деятельности до сих пор неустойчивы, различаются по регионам и причинам, обуславливающим решение пенсионеров.

Несмотря на непрозрачность ситуации в системе занятости, можно предположить, что самоощущение старости будет сдвигаться даже вопреки ее нормативной кодификации [Яковлев 2015]. В 2011 г., согласно данным Левада-Центра, массовое понимание наступления старости связывалось с 60-летним возрастом [Рогозин 2012]. Отметим, что представления о смещении старости далеко за «пенсионный возраст» становятся общепринятыми. В обиход внедряется понятие «порог старости», т.е. возраст, в котором средняя ожидаемая продолжительность жизни становится меньше 15 лет; за этим следует «инфляция возраста» (в позитивном смысле), означающая, что современные зрелые люди ведут себя, как в молодости – и когнитивно, и физически. Если старыми людьми можно считать только тех, кто достиг «порога старости», по определению современных демографов С.Г. Шульгина и С.Я. Щербова, то сейчас такая демографическая нагрузка составляет в России всего 18,8%; к 2036 г. она возрастет, но все равно останется необременительной – 26,2% [Нодельман 2017]. Таким образом, современные поколения, вступая в старший возраст (нижняя граница которого составляет 50 лет), имеют в запасе от 10 до 20 лет для переосмысления жизненных стратегий и подготовки к следующему, заключительному этапу жизни в старости.

Гендерные особенности старения

Всероссийская перепись населения 2010 г. еще раз подтвердила, что у стареющей России «женское лицо». Если общая доля женщин составляла 53,8%, то сразу после достижения 50-летнего возраста женщин в стране становится больше от 4 до 31%, чем мужчин (т.е. чем старше «возраст» населения, тем больше женщин). Кроме того, преобладание женской части населения над мужской выросло по сравнению с данными переписи 2002 г., также увеличилась численность женщин, находящихся в возрасте старше трудоспособного. Медианный возраст населения возрастает на протяжении многих десятилетий, и возраст женщин всегда выше, чем мужчин: в 2010 г. он составил 41 год [Социально-демографический портрет населения 2012, с. 21–28]. Значительное преобладание женского населения в старших российских поколениях ведет и к распространению дуальных миров в старости, так как феминизация практически всегда означает падение социального престижа и дискриминацию.

Феминизация старости не является исключительно российским феноменом, скорее, это продукт трансформаций, произошедших в XX в., и всеобъемлющая проблема современного общества [Tews 1993; Höpflinger 2015]. Поэтому можно утверждать, что старший возраст является, прежде всего, риском (вызовом) для женщин. Однако не только очевидные демографические тенденции (значительно выросший возраст дожития женщин), но и социальные особенности образа и стиля жизни приводят к существенным гендерным различиям в старости. В нормативных представлениях женщины в пожилом возрасте воспринимаются скорее как нагрузка ввиду социальных расходов и повышенных потребностях в уходе за ними, тогда как мужчины выступают общественным ресурсом. Такой парадокс возник не одномоментно, он укоренен в профессиональных и материальных проблемах предшествующих этапов жизни женщин. Хотя в России проблема социальной изоляции в старости характерна для обоих полов, для женщин она наступает на 10 лет раньше, чем в развитых странах, поскольку они намного раньше причисляются к пенсионерам [Григорьева 2006]. Несмотря на то, что большинство женщин еще некоторое время продолжают работать, занятость даже в пенсионном возрасте характеризуется гендерно негативно [Богданова 2016]: так, в первые пенсионные годы занято больше женщин, чем мужчин, но после наступления 70-летнего возраста доля работающих мужчин в несколько раз превышает женскую занятость. Женщины-пенсионерки склонны чаще отказываться от занятости в силу необходимости заботиться о домашнем хозяйстве и/или о семье, и даже в качестве таких весомых аргументов, как хорошее самочувствие, мобилизация внутренних ресурсов и востребованность, занятость важна скорее для мужчин [Рогозин 2012].

Гендерные различия являются также итогом особенностей протекания брачной жизни. Супружество и партнерство с более молодыми женщинами, повторные браки характерны для мужчин, тогда как уделом женщин в старших возрастах чаще является вдовство (одиначество). Даже в самых благополучных странах Европы такой риск для женщин повышается уже с 60 лет [Höpflinger, Spahni, Perrig-Chiello 2013], и статус вдовы остается доминантным в семейных структурах пожилых женщин, хотя средний возраст наступления вдовства со временем повышается. Вдовство, прежде всего, переживается как тяжелая жизненная ситуация, сопровождаемая негативными психическими и социальными эффектами. Как женщина справится с этим, напрямую зависит от ресурсов личности и механизмов, обеспечивающих сопричастность (например, система занятости, социальные услуги и прочее), поэтому последствия могут быть самыми разными – от депрессивности до личностного роста и успешной адаптации.

Насколько существенным станет вопрос сокращения социальных связей и вовлеченности вследствие потери партнера, обусловлено предыдущей историей жизни. Если пожилая женщина до потери уже не работала, а объемы и плотность связей и отношений (например, профессиональных) являлись незначительными, риск социальной изоляции сокращается. Однако вдовы, как правило, в целом хуже, чем женщины, имеющие партнеров, оценивают свою жизненную ситуацию: они чаще страдают от одиночества и депрессий, реже включены в общественную деятельность, имеют более выраженные материальные проблемы [Höpflinger 2015]. Европейские исследования показывают, что повышенные ресурсы современных поколений нивелируют наступление негативных социальных (материальных) рисков после потери партнера, и это событие (вдовство) переживается фактически

исключительно индивидуально (эмоциональные проблемы не ослабевают и влияют на оставшихся в живых вне зависимости от общественных условий). Данный вывод согласуется с результатами изучения положения пожилых в России. Считается, что основными проблемами являются не сами перемены в жизни пожилых, а способ их осмысления [Рогозин 2012]. В целом, практически повсеместно отмечается, что тяжелое социальное положение вдовы преодолевается в связи с эмансипацией женской занятости, а справиться с субъективными переживаниями трагического события помогают хорошее состояние здоровья и конгруэнтность поддержки со стороны близкого окружения. Также у женщин-вдов, долго живших в благополучном браке, чаще возникают психологические проблемы потери смысла жизни или трудности с организацией повседневной жизни и умением брать на себя ответственность.

Негативная феминизация старости в России поддерживается и на межпоколенном уровне. Удел пожилых женщин – это, прежде всего, вовлечение в отношения заботы и ухода: так, родственные связи чаще поддерживаются именно по женской линии [Höpflinger 2006]. Кроме того, закрепление гендерных ролей способствует возникновению своеобразных отношений ухода: мужчины (например, сыновья) чаще склонны взывать к внешней (институциональной) помощи, тогда как женщины (например, дочери) намного чаще ориентированы на реализацию самостоятельного ухода и заботы. Наоборот, матери (бабушки) скорее склонны оказывать поддержку своим выросшим детям, чем это можно ожидать от отцов (дедушек).

В целом для современной пожилой женщины характерно проживание в так называемой мультилокальной многопоколенной семье, означающее поддержание близких контактов при раздельном, но довольно близком проживании, по крайней мере части детей. Однако в современной России кооперативные внутрисемейные отношения неоднозначны, часто превращаются в демонстрацию отношений власти и подчинения, что особенно негативно сказывается на положении пожилого человека, от которого требуется согласие с установленными жизненными правилами в обмен на лояльность и предоставление помощи. Негативно российские респонденты оценивают и раздельное проживание, которое может нарушать воспроизводство привычной повседневности из-за недостатка средств [Елютина, Трофимова 2017].

В целом большинство исследований показывают, что в стране воспроизводится не просто «женская старость», а нарастает негативная феминизация старости, поскольку российские женщины в течение жизни накапливают риски, которые, превращаясь в проблемы, препятствуют успешному восприятию полноценной жизни подавляющего большинства пожилых людей. Женщины переживают свой возраст, скорее, как секвестрированный период жизни и расценивают прошлое как невозможную утрату.

Описание эмпирического исследования

Исходной основой для детализации сценариев старения и положения российских женщин послужили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Положение женщин и некоторые формы

их саморепрезентации изучались на основании наблюдений, полученных в репрезентативных индивидуальных выборках трех волн мониторинга: 18-й волны (2009 г.); 20-й волны (2011 г.) и 24-й волны (2015 г.). Выбор волн обусловлен, во-первых, желанием представить текущее положение женщин (волна 2015 г.); во-вторых, использованием специальных блоков вопросов о различных планах жизни женщин, которые в последний раз появлялись в волнах 2009 и 2011 гг. По каждой волне анализировались темы и вопросы, представленные в *таблице 1*.

Таблица 1. Тематическое представление положения и саморепрезентаций российских женщин во второй половине жизни в РМЭЗ

Год/волна	Блоки вопросов	Кол-во переменных
2015 (24-я волна)	социально-демографические характеристики	4
	удовлетворенность жизнью	1
	материальное положение	2
	пенсионное обеспечение	2
	причины отказа от трудовой деятельности	1
	основное занятие	1
2011 (20-я волна)	вопросы о психическом состоянии и оценке текущей жизни	17
	вопросы об источниках и средствах обеспечения в старости (после выхода на пенсию)	9
2009 (18-я волна)	вопросы о ценности респондента как работника в текущей экономической ситуации	1
	причины отказа от трудовых заработков	1
	материальная помощь близким	1
	вопросы о распределении власти в семье	6
	домашние активности	16
	бюджеты времени	32

Таким образом, в исследовании основное внимание было уделено проблемам занятости, здоровья, психологической самооценке текущей жизни, самоидентификации, формам активности и потребностям в ней в домашней жизни современных российских женщин старших возрастов. Согласно указанным выше подходам, вторая половина жизни женщин определяется в возрасте от 50 лет и старше. Двухшаговый отбор наблюдений в трех используемых волнах включал пол и возраст женщины. В результате массив данных в 24-й волне 2015 г. содержал 3146 наблюдений, в 2011 г. – 3844, в 2009 г. – 2305.

Кроме того, были выделены четыре возрастные подгруппы женщин в возрасте от 50 до 60 лет, от 61 года до 70 лет, от 71 до 80 лет, и от 81 года и старше. Самая младшая возрастная группа включала женщин как достигших, так и не достигших пенсионного возраста. Вторая группа состояла из еще работающих пенсионерок

и репрезентировала «третий возраст» жизни пожилых. Две последние возрастные группы более характерны для неработающих женщин «четвертого» (заклучительного) этапа жизни. Такое разделение на возрастные подгруппы обусловлено еще и желанием акцентировать особенности их социализации в разных условиях жизни в России, расшифровать межпоколенческие коды старения. Отдельно анализировалось положение женщин всех возрастов, ведущих или не ведущих профессиональную жизнь, а также подгруппы семейных и одиноких женщин. К одиноким женщинам были отнесены незамужние женщины, вдовы, разведенные, а также официально зарегистрированные, но не проживающие совместно с супругом. К семейной группе относились все женщины, состоящие в браке, а также проживающие совместно без регистрации.

Профессиональная занятость

Сначала представим выводы о женской занятости после наступления 50 лет, поскольку допускается в целом, что она является ключевым показателем активности пожилых и их положительной самооценки жизни. Прежде всего отметим, что очень мало женщин ведут профессиональную жизнь после наступления 60-летнего возраста. Несмотря на то, что в изучаемой совокупности включены женщины, еще не вступившие в пенсионный возраст (54–55 лет), в 2015 г. только 28% опрошенных женщин в возрасте от 50 и старше являлись занятыми, из которых подавляющее число (76%) приходилось на возраст 50–60 лет. После наступления пенсионного возраста (55 лет) в занятости остается 21% женщин², а в возрасте 60 лет и старше уже значительно больше мужчин, чем женщин, являются работающими (рисунок 1).

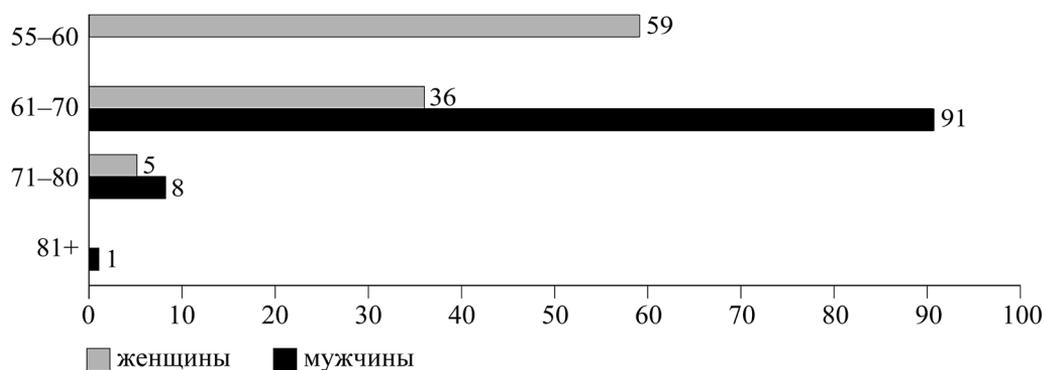

Рисунок 1. Работающие пенсионеры по возрастам, % от гендерной подгруппы, РМЭЗ, 2015 г.

² Процент рассчитан от всего числа женщин в данном возрасте.

Резкое сокращение занятости российских женщин связано с обстоятельствами, основными среди которых можно назвать достижение пенсионного возраста и плохое состояние здоровья. Другие факторы – закрытие предприятия и семейная ситуация – являются достаточно редкими, а такие причины сокращения занятости, как негативные условия труда на работе или принуждение к увольнению со стороны руководства, относятся, скорее, к исключениям. Чем старше становится женщина, тем чаще достижение пенсионного возраста оказывается тем обстоятельством, которое позволяет ей уйти от профессиональной деятельности. В то же время состояние здоровья и семейная ситуация представляются в одинаковой степени возможными для выхода из состояния занятости во всех возрастах. Все причины увольнений носят структурный характер, т.е. обусловлены социодемографическими и социокультурными факторами, поскольку неовозвратно меняют занятость женщин в старших возрастах: так, большинство уволившихся женщин не желают и не намерены возвращаться в трудовую жизнь. И только в возрастном отрезке от 50 до 60 лет существует возможность стабилизировать занятость женщин, поскольку поводами для увольнений выступают либо сокращение кадров, либо закрытие предприятия (так увольняют каждую четвертую женщину).

Сокращение с возрастом значимости экономических причин увольнений можно объяснить изменением структуры занятости женщин, работающих после 60 лет. С этого возраста в занятости остаются в большей степени высококвалифицированные работницы, которых изначально было меньше в общей группе. Таким образом, для женщин низкой и средней квалификации существует 60-летний возрастной порог массового исхода из занятости. Для сокращения оттока женщин из профессиональной жизни необходимо также принять во внимание, что в это время женщинам требуется существенная помощь в поисках новой работы (на это указали 76% женщин, которые потеряли и снова ищут работу). Но, в отличие от мужчин, женщины менее склонны искать работу официальным способом (например, через ГСЗН или непосредственно обращаясь на предприятия), они предпочитают действовать через социальные сети (друзей, знакомых, поиск работы в интернете и т.д.), что часто приводит их к занятости в теневой сфере (т.е. к неформальной занятости). Кроме того, на желание женщины остаться в профессиональной жизни негативно влияет ее увольнение с привычного места работы, поскольку женщины более склонны, чем мужчины, к стабильной занятости, в пенсионном возрасте они чаще заняты на традиционных предприятиях, созданных еще в советское время (рисунки 2). Если пожилые мужчины чаще работают на предприятиях тяжелой промышленности, в военно-промышленном или энергетическом секторах, строительстве, сельском хозяйстве и на транспорте, то женщины остаются в образовании, науке, культуре и здравоохранении. При поддержке занятости «молодых пожилых» женщин существует реальная возможность изменить их отношение к профессиональной деятельности в целом, в том числе и на последующих этапах их жизни.

Вдовство также является характерным жизненным укладом российских женщин во второй половине жизни: по данным РМЭЗ, женщины в России после 60 лет начинают интенсивно терять своих партнеров, количество вдов быстро возрастает, при этом повторные браки и сожителства являются редкостью (таблица 2).

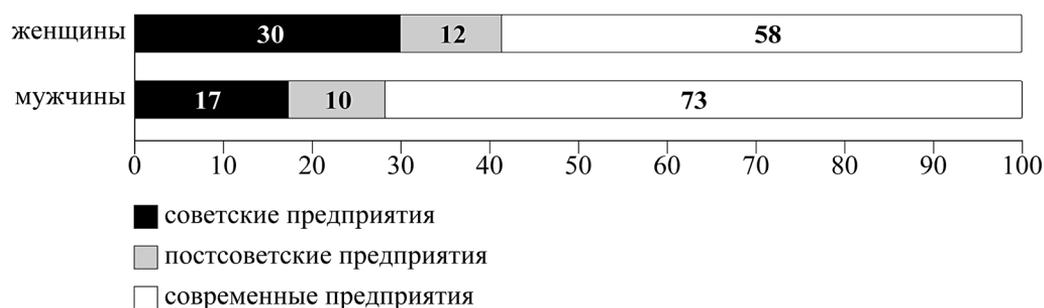

Рисунок 2. Занятость современных пенсионеров по типам предприятий³, % от гендерной подгруппы, РМЭЗ, 2015 г.

Таблица 2. Доли женщин в отдельных возрастных группах, имеющие и не имеющие партнера, % от общей подгруппы, РМЭЗ, 2015 г.

Возрастная группа	Одинокие	В партнерстве
50–60 лет	40	60
61–70 лет	51	49
71–80 лет	74	26
81–102 года	89	11

Таким образом, социальная активность и вовлеченность по двум ключевым показателям (семья и занятость) характерны, скорее, для группы женщин в возрасте от 50 до 60 лет, которые являются в большей степени работающими и семейными, тогда как в последующих возрастах и то, и другое из их жизни быстро исчезает. Рост числа разводов и незарегистрированных сожительств, общая возросшая мобильность населения могут повлиять на структуру семьи пожилых россиянок. Возможно, 40% одиноких женщин в возрасте от 50 до 60 лет, еще здоровых и работающих, воспримут новые формы семейной жизни и тем самым изменят сложившиеся стереотипы «вдовствующего» старения женщин в России.

Основные способы материального обеспечения пожилых женщин и гендерная дискриминация в трудовых доходах

Наиболее простым способом указать на возможные последствия текущих негативных изменений в положении женщин является изучение их материального статуса: так, в выборке 2015 г. большинство опрошенных женщин имели в виде дохода

³ Советские предприятия созданы до 1991 г.; постсоветские предприятия – в период с 1991 по 1998 гг.; современные предприятия существуют с 1999 г.

государственную пенсию по старости; в самой молодой группе (50–60-летних) таких насчитывалось 70%, тогда как во всех остальных – 96%. Поскольку «молодые пенсионеры» часто совмещают пенсию и трудовой доход, а также еще имеют, по всей видимости, работающего партнера, то материальное положение в этой группе самое благополучное. Хуже всего переживают свои материальные проблемы женщины в возрасте от 60 до 70 лет, а также следующая возрастная группа (таблица 3).

Таблица 3. Самоописание материального благосостояния женщинами, % от каждой подгруппы, РМЭЗ, 2015 г.

	50–60	61–70	71–80	81–102	занятые	неработающие	семейные	одинокие
Нищие	5	5	5	2	4	5	4	5
2	11	14	13	15	9	14	9	15
3	24	30	27	25	22	28	26	27
4	23	22	22	26	26	21	22	23
Середина шкалы	22	20	20	19	24	19	24	18
6	10	6	8	6	10	7	10	6
7	3	2	2	2	3	2	3	2
8	1	0	0	0	1	0	0	0
Богатые	0	0	0	0	0	0	0	0

Подавляющее большинство женщин, которые еще не вышли на пенсию, также предполагают в старости жить только на государственную пенсию (96%). Гораздо меньшее число женщин рассматривают в качестве источника обеспечения, например, собственные заработки или сбережения (59 и 20% соответственно). Остальные возможности представляются женщинам несерьезными (например, вклады, покупка акций, сдача внаем жилья и т.д.). Женщины не имеют, как правило, никаких дополнительных заработков, кроме основных (пенсии и/или зарплаты). Таким образом, традиционные формы материального обеспечения остаются все еще актуальными для вступающих в пенсионный возраст женщин, что сближает их представления о жизни с мировоззрением россиянок разных поколений.

Следует подчеркнуть, что, если женщина в пенсионном возрасте работает, ее субъективная оценка удовлетворенности зарплатой ниже, чем у работающих мужчин-пенсионеров (рисунки 3). Сравнение средних зарплат показало, что в целом низкие трудовые доходы у пенсионеров сопрягаются со значительным неравенством в оплате труда, которое растет с возрастом: так, если у мужчин сокращение средней оплаты труда между двумя пенсионными возрастными периодами происходит плавно, то женщины уже вначале пенсионного возраста сильно теряют в оплате труда. Это же показывает и сравнение крайних значений зарплат (таблица 4). Вероятно, гендерное неравенство в оплате труда работающих пенсионеров возникает и из-за большей включенности женщин в частичную (неполную) занятость (11% мужчин и 30% женщин).

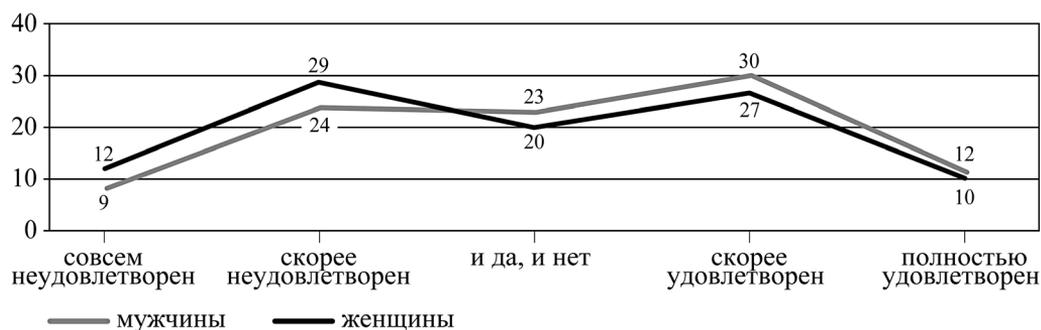

Рисунок 3. Удовлетворенность зарплатой работающих пенсионеров, % от гендерных подгрупп, РМЭЗ, 2015 г.

Таблица 4. Сравнение средних зарплат работающих пенсионеров, руб., РМЭЗ, 2015 г.

Возраст	Средние зарплаты за один месяц		Минимум-максимум	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
55–60 лет	–	17648	–	600 / 200000
61–70 лет	18575	14524	3000 / 70000	960 / 70000
71–80 лет	17609	12936	5200 / 55000	3600 / 32000
80+	5000	–	5000	–

В целом только 40% женщин вполне довольны своей жизнью, но после 60 лет число удовлетворенных сокращается на 5% и растет число неудовлетворенных. При этом к концу жизни резко проступают группы удовлетворенных и неудовлетворенных женщин (вместо неопределившихся): гораздо больше удовлетворенных жизнью среди тех женщин, которые проживают с партнером и продолжают профессиональную деятельность.

Домашние сценарии жизни

Активное старение включает, помимо работы, и личностное развитие, и использование свободного времени, однако российские женщины во второй половине жизни своими основными занятиями считают либо работу (28%), либо положение пенсионера (67%). Такие ответы не объясняют, чем заняты женщины вне или вместо работы, поэтому подробно анализировалась комбинация вопросов в 18-й волне 2009 г. о распределении бюджетов времени. Прежде всего, выяснялось, какие виды домашней занятости женщин являются основными и насколько они удовлетворены временем, затрачиваемым на их выполнение.

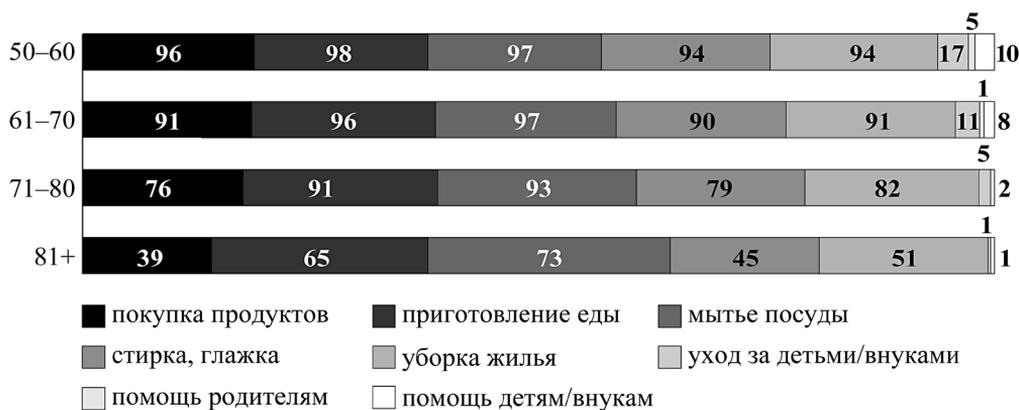

Рисунок 4. Структура домашних видов деятельности российских женщин, % от возрастной подгруппы, РМЭЗ, 2009 г.

Рисунок 4 показывает, что у женщин старших возрастов меньше домашних обязанностей, однако некоторые виды нагрузок сохраняются до глубокой старости: к ним относятся уборка, покупка продуктов и приготовление еды. Между возрастом женщин и выполнением этих обязанностей существует статистически значимая взаимосвязь: у более возрастных женщин меньше физических работ по дому, а уход и забота о детях и внуках, помощь и уход за родителями, помощь детям или внукам характерны лишь для незначительного числа женщин, в основном молодых возрастов (от 17% в молодой группе, далее – 11, 5, 1% соответственно). Эти данные расходятся с данными, полученными С.Ю. Барсуковой о донорстве старшего поколения [Барсукова 2005, с. 40], и, возможно, свидетельствуют об изменении инструментальной помощи в межпоколенных отношениях в сторону современных европейских образцов жизни. Остальные заботы (игра и занятия с детьми и внуками, работа на приусадебном участке, ремонтные и строительные работы по дому, поездки на автомобиле с хозяйственными целями) намного меньше распространены и мало зависят от возраста. Расходы времени на отмеченные виды основных нагрузок оценивались отдельно по будним и выходным дням (рисунок 5).

В основном очень много времени в течение недели женщины тратят на приготовление еды, но больше всего времени на всевозможные нагрузки расходуют женщины из самой молодой группы (50–60 лет). В будние дни на выполнение всех отмеченных видов работ эти женщины затрачивают в среднем 5,7 часов, а далее в каждой возрастной группе общее время нагрузок последовательно сокращается на 1 час. В выходные расходы времени на домашнюю работу возрастают у всех женщин, вне зависимости от возраста, социального положения, занятости. Интересно, что в выходные дни даже очень пожилые женщины интенсивнее занимаются домашними делами, и эту общеизвестную российскую традицию поддерживают даже те женщины, которые не заняты профессиональным трудом. Основные затраты времени в выходные дни уходят на помощь детям и внукам, другим родственникам (для более молодых женщин), а приготовление еды и другие виды физической работы важны вне зависимости от дней недели.

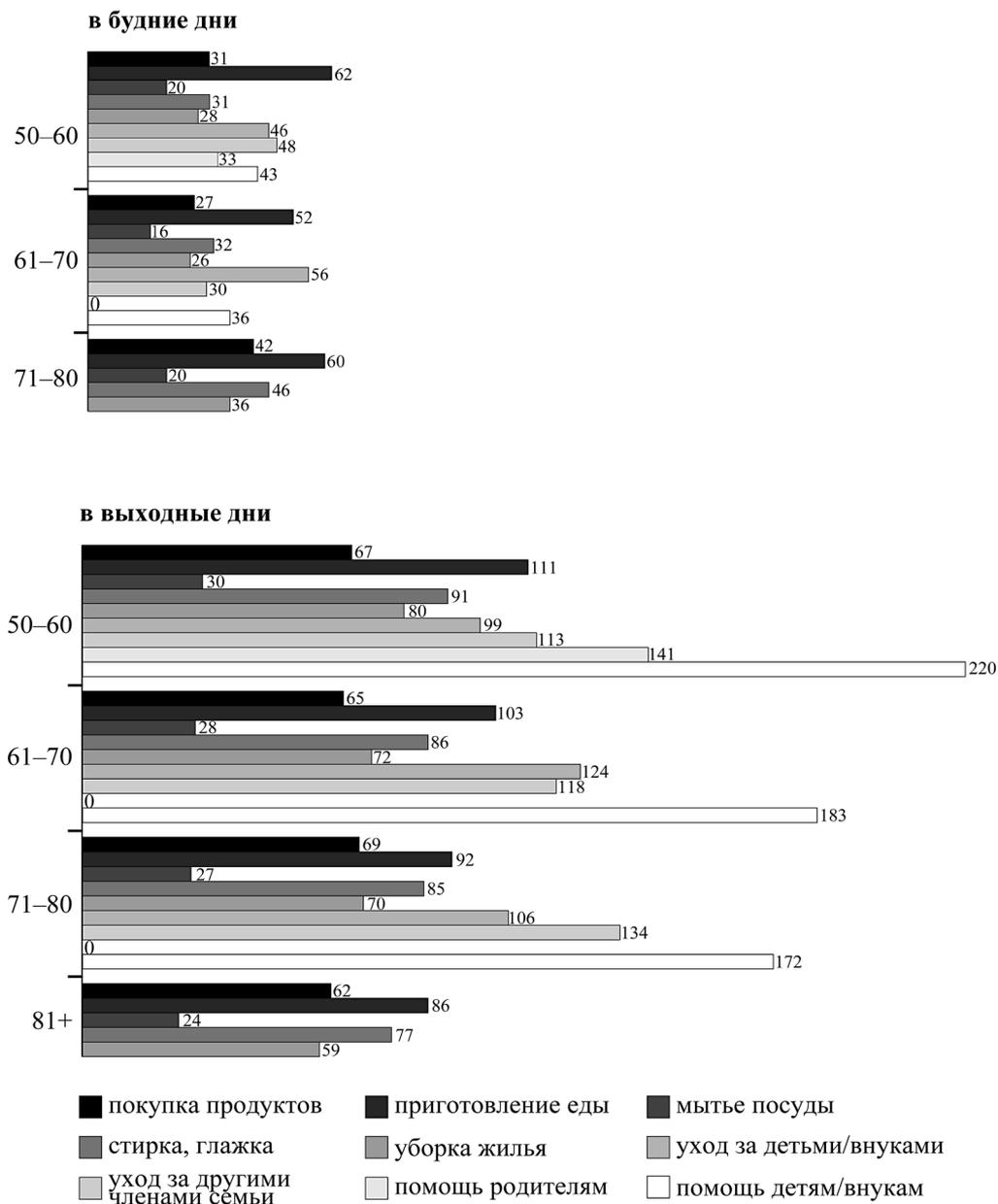

Рисунок 5. Затраты времени на домашний труд, в минутах за один день, РМЭЗ, 2009 г.

Общее сокращение нагрузки происходит постепенно между выделенными возрастными отрезками жизни. В возрасте после 60 лет женщины начинают больше времени тратить на уход за детьми и внуками и другими родственниками

(причем речь идет только об элементарных обязанностях – посидеть, накормить и т.д.), но существенно сокращается время, затрачиваемое на уход за родителями. Также сокращается помощь разного рода (в том числе и детям) и становится меньше физических работ. Все иные виды нагрузок (например, садово-огородные работы, ремонтно-строительные работы по даче, дому и прочее) могут занимать колоссальные объемы времени, но их выполняют незначительное число женщин, и эти виды деятельности характерны только для выходных дней. В целом можно заключить, что российская женщина на протяжении длительного жизненного времени вовлечена в значительные домашние заботы и тем самым поддерживает традиционную модель внутрисемейных гендерных ролей.

Во время интенсивной трудовой жизни подобные нагрузки (физические работы по дому, помощь близким) являются скорее жизненной необходимостью как для самих женщин, так и для членов их семей. Однако сохранение их на высоком уровне при значительно более серьезном внимании и заботе о родственниках в посттрудовой жизни может свидетельствовать о модификации смысла жизни и принятии новых ролей (бабушки, помощницы, домохозяйки), и только к концу жизни (80 лет и старше) женщинам чаще самим требуется уход, и они начинают ощущать себя старыми.

Семейная солидарность (помощь, забота) российских женщин с их близкими принимает две основные формы – материальной поддержки и инструментальной помощи. Когнитивная форма помощи (например, занятия с внуками) среди российских женщин не распространена, также остаются невыясненными возможности предоставления эмоциональной поддержки. Кроме того, ожидаемо происходит устранение пожилых женщин от принятия решений по семейным и домашним делам, особенно резко сокращается их влияние в сфере принятия решений о занятости членов семьи и в отношении семейных затрат. В молодой возрастной группе женщина еще влияет на многие сферы семейной жизни, но с возрастом она все меньше участвует в важнейших семейных решениях, за исключением вопросов о текущих расходах семьи и совершении повседневных покупок. Большинство женщин всех возрастов удовлетворены временем, которое они затрачивают на семейные и домашние дела (79%), только женщины в возрасте от 50 до 60 лет хотели бы увеличить нагрузки. И, наоборот, нежелание затрачивать больше времени на семейные и домашние обязанности связаны либо с отсутствием необходимости в этом (такое мнение распространено среди всех возрастных групп), либо из-за плохого состояния здоровья (характерно для более старших возрастных групп женщин), либо из-за желания заниматься чем-то другим (на это намного чаще называют женщины из молодой подгруппы).

Заключение

В России становится все больше пожилых людей, и настоящие, и будущие поколения 50+ должны рассматриваться как значительный общественный и трудовой ресурс. Этот потенциал необходимо культивировать, одновременно понимая возможные зоны и способы его применения. Активизация увеличивающегося числа зрелых и пожилых людей предполагает как трансформацию социальной политики

в отношении пожилых, так и построение успешных индивидуальных жизненных проектов для достижения желаемых целей. Но для многих старших поколений до сих пор характерны неэффективные инерционные социальные стандарты в отсутствие привлекательных и готовых предложений по развитию (или механизмов вовлеченности, причастности). Однако новый Закон «О социальном обслуживании населения», скорее, сужает поле активизирующих услуг в целом и социального обслуживания пожилых в частности [Федеральный закон 2013]. Институциональное поле взаимодействий общества и пожилых в последние годы меняется, но, как и в других областях социально-экономической жизни, заметны не только возвратные действия, но и отсутствие ясных приоритетов, задающих долгосрочные трансформации [Барсукова 2016].

В результате темпы старения в России стремительно растут, прогресс качества жизни пожилых тормозится, а потребности во внешней помощи со временем только увеличиваются. Активизация социального поведения пожилых означает, что они выполняют не только привычные действия, но и те, которые основаны на расширении их самостоятельности и ответственности в принятии решений, при этом развиваются такое качество личности, как способность контролировать собственную жизнь и активно участвовать в общественной жизни.

Мы видим три основных механизма интеграции пожилых в современной ситуации: через систему занятости, семейные и социальные сети поддержки, государственную помощь. Основной путь активизации социального поведения – трудовая занятость, которая «позволяет улучшить материальное положение, оказывать помощь детям и внукам, дает возможность общаться с коллегами по работе, является стимулом для поддержания себя в хорошем физическом состоянии, приносит удовлетворение от ощущения себя нужным и полезным человеком» [Щанина 2009]. Однако на рынке труда уже много десятилетий ситуация меняется слабо: значительное число людей оформляют пенсию до наступления стандартного пенсионного возраста, поскольку спектр вредных условий труда довольно широк, но многие продолжают работать по крайней мере пять лет после выхода на пенсию. Решение данной проблемы возможно за счет выравнивания пенсионного возраста или отмены фиксированного возраста выхода на пенсию, поскольку он прочно ассоциируется с наступлением «пожилого» возраста. Традиционная система поддержки пожилых в семейных и близких сетях пока связана с символическим обесцениваем пожилых, особенно женщин. Тем не менее активная женщина старшего возраста способна поменять свой статус и оказывать влияние на многие стороны семейной жизни, помимо материальной и инструментальной помощи своим детям и внукам.

К сожалению, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ не отражают государственных и общественных усилий изменения сценария времяпровождения пожилых. Между тем начиная с 1995 г., т.е. со времени принятия Закона о социальном обслуживании населения и пожилых [Федеральный закон 1995], не только в больших городах, но и в значительном числе малых, появились социальные службы, занятые организацией досуга пожилых, и их клиентами являются именно пожилые женщины. Тем не менее при всем разнообразии предлагаемых форм досуга до конца непонятно, решает ли социальное обслуживание задачи социальной активизации пожилых или только развивает новые потребительские практики? Является ли обучение работе на компьютере средством получения работы

и возможности обновления жизненного сценария, или это лишь дань моде? Мы не раз пытались найти ответы на эти вопросы, в том числе в ходе полевых исследований [Григорьева, Келасьев 2016; Grigoryeva, Shubinsky, Mayorova 2014]. Пока доказательств заметного обновления сценариев старения с помощью социального обслуживания, включая обучение работе на компьютере, мы не обнаружили. Отметим, что С.Н. Смирнов, анализируя изменения в социальной сфере в постсоветские годы, вообще не упоминает развития такого нового социального института, как социальное обслуживание, хотя он существует уже 25 лет. На наш взгляд, социальное обслуживание также должно оцениваться в контексте социальных трансформаций хотя бы для уточнения, какую именно роль оно играет в жизни пожилых, инвалидов, неблагополучных семей [Смирнов 2016], особенно в связи с принятием целей, активизирующих пожилых и нормализующих их повседневные практики.

Проблема активизации старших поколений в России осложняется глубоко укорененными в российской практике дискриминациями в отношении женщин, что приводит к более заметному формированию дуальных миров старения и старости. Появившийся в науке конструкт негативного старения женщин – феминизация старости – в России представляет существенную проблему. Российские женщины испытывают значительные затруднения, которые накоплены в предыдущих фазах жизни и дополняются социально и культурно обусловленными «потерями», адаптированными «под старость» человека в стране. Так, основные изменения в жизни российских женщин происходят после 60 лет: в это время они интенсивно теряют партнеров, меняют статус «занятого» на «пенсионера», что негативно отображается на их образе жизни, здоровье, самооценке и способах самореализации. Поэтому особенно важна социальная и информационная поддержка потенциала 50–60-летних, чтобы старение не воспроизводилось в повторяющихся, некогда заданных границах.

Структура и виды жизненных занятий российских женщин вне трудовой занятости в целом похожи и являются традиционными: работа по дому, инструментальная и финансовая помощь детям/внукам и/или другим родственникам, работа на садово-огородных участках. Интенсивность и разнообразие этих занятий варьируются в зависимости от нескольких взаимосвязанных между собой компонентов: возраста женщин, вовлеченности в профессиональную деятельность, ее семейного положения, материального обеспечения и состояния здоровья.

Таким образом, новый контекст отношения к старости и старению поможет дополнить поддержанная СМИ профилактика гендерно обусловленных профессиональных кризисов и дискриминационных практик на рынке труда, либерализация семейного законодательства и конструирование обновленных социальных ролей женщин в российском обществе.

Литература

- 100 интервью с советскими женщинами (1975). М.: Молодая гвардия.
Анисимов В.Н., Жаринов Г.М. (2013) Продолжительность жизни и долгожительство у представителей творческих профессий // Успехи геронтологии. Т. 26. № 3. С. 405–416.

- Барсукова С.Ю. (2005) Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. № 8. С. 34–45.
- Барсукова С.Ю. (ред.) (2016) Реформы в России в 2000-е годы. От законодательства к практикам. М.: ВШЭ.
- Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция.
- Богданова Е.А. (2016) Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. Т. 14. № 4. С. 535–550.
- Божко Н.М., Здравомыслова Е.А. (2015) Биографическая работа, воспоминания, пересмотр жизни в позднем возрасте // Божко Н.М. (ред.) Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти В.Б. Голофаства. СПб.: Эйдос. С. 126–137.
- Винсент Д.А. (2014) Споры вокруг старения: антивозрастная наука и культурное конструирование старости // Социология власти. № 3. С. 159–180.
- Гладникова Е.В. (2007) Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 7.
- Григорьева И.А. (2006) Социальная политика и пожилое население в современной России: вызовы и возможности // Мир России. Т. 25. № 4. С. 29–49.
- Григорьева И.А., Видясова Л.А., Дмитриева А.В., Сергеева О.В. (2015) Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. СПб.: Алетейя.
- Григорьева И.А., Келасьев В.Н. (2016) Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность // Социологические исследования. № 11. С. 82–85.
- Григорьева И.А. (2016) Смена парадигмы в понимании старения // Социологические исследования. № 11. С. 154–155.
- Елютина М., Трофимова О. (2017) Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. Т. 15. № 1. С. 37–50.
- Кляйненберг Э. (2014) Жизнь соло: Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн.
- Мадридский план действий (2007). Руководящие принципы обзора и оценки Мадридского международного плана действий по проблемам старения. Подход «снизу вверх», предусматривающий широкое участие населения // United Nations // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/ageing_progr.pdf
- Материалы Национальных конференций 2013–2016 гг. (2016) // Общество для всех возрастов // <http://old.ageing-forum.org/ru/event/conference-2016/>
- Низамова А.Н. (2016) Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал исследований социальной политики. Т. 14. № 4. С. 569–585.
- Нодельман В. (2017) Разница в пороге старости жителей регионов России может составлять 13 лет. Россияне стареют с разной скоростью // Известия // <http://izvestia.ru/news/658143#ixzz4XB6a9dqz>
- Реформа системы социального обслуживания (2007). Аналитический обзор // Программа SPRILO «Поддержка содействия сокращению бедности в Ленинградской области». СПб.: Селеста.
- Рогозин Д.М. (2012) Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. № 4. С. 62–93.
- Рогозин Д.М., Ипатов А.А. (ред.) (2016) Социология старения: освобождение возраста. М.: Институт социологии РАН.
- Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С. (1983) Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика.
- Сизова И.Л. (2015) Современная политика и практика поддержки занятости пожилых (опыт Германии и его возможности применения в России) // Власть. № 9. С. 162–166.
- Сизова И.Л. (2016) Основные индикаторы занятости лиц пенсионного возраста и особенности трудовых стратегий мужчин и женщин в современной России // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского). СПб.: Скифия-принт. С. 1042–1044.
- Смирнов С.Н. (2016) Контекст социальных трансформаций в постсоветские годы: экономическая, институциональная и демографическая динамика // Мир России. № 3. С. 6–36.

- Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года (2012) // Федеральная служба государственной статистики РФ // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/pereris2010/croc/Documents/portret-russia.pdf
- Топилин М.А. (2016) Рано или поздно пенсионный возраст придется повышать // Комсомольская правда // <http://www.nnov.kp.ru/daily/26623/3641128/>
- Федеральный закон (1995) «Об основах социального обслуживания населения» от 10.12.1995 г. в редакции Закона № 122 от 22.08.2004 // Garant.ru // <http://base.garant.ru/10103878/1/>
- Федеральный закон (2013) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 N 442-ФЗ (последняя редакция). 28 декабря 2013 года N 442-ФЗ // Garant.ru // <http://base.garant.ru/70552648/>
- Хальбвакс М. (2005) Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. № 2–3. С. 8–27.
- Хиггс П., Джиллеард К., Рис Джонс Я. (2014) Эгоистичное поколение: исследование концепции // Социология власти. № 3. С. 10–30.
- Шапиро В.Д. (1980) Человек на пенсии. М.: Мысль.
- Шмерлина И.А. (2016) Молодость FOREVER, или особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Рогозин Д.М., Ипатов А.А. (ред.) Старикам тут место. Социальное осмысление старения. Сб. научных статей. М.: Институт социологии РАН. С. 156–182.
- Щанина Е.В. (2009) Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер. Общественные науки. № 2(10). С. 57–67.
- Яковлев В. (2015) Старость начинается позже. Чем отличается жизнь после 50 от всей предыдущей жизни // Российская газета // <https://rg.ru/2015/02/19/zrelost.html>
- Янкова З.А. (1978) Советская женщина. М.: Политиздат.
- Ausgewählte Beiträge zum „Aktiven Altern“ // Österreichische Plattform für interdisziplinäre Altersfragen (2012) // Ein Auftrag des Bundesministeriums für Arbeit, Soziales und Konsumentenschutz (Hrsg.), Wien.
- Erikson E., Erikson J. (1997) The Life Cycle Completed: Extended Version, New York.
- Galtung J. (1990) Cultural Violence // Journal of Peace Research, vol. 27, no 3, pp. 291–305.
- Grigoryeva I., Shubinsky M., Mayorova E. (2014) ICT as a Driver for Senior Citizens' Social Inclusion // ACM International Conference Proceeding Series 8. “ICEGOV 2014 – 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance – Proceedings”, pp. 292–295.
- Höpflinger F. (2006) Frauen und Generationenbeziehungen in der Zweiten Lebenshälfte // Die Stadt, die Frauen und die Zukunft. Ministerium für Generationen, Familie, Frauen und Integration des Landes Nordrhein-Westfalen. Düsseldorf (Hrsg.), pp. 255–269.
- Höpflinger F., Spahni S., Perrig-Chiello P. (2013) Persönliche Bilanzierung der Herausforderungen einer Verwitwung im Zeit- und Geschlechtervergleich // Zeitschrift für Familienforschung, vol. 25, no 3, pp. 267–285.
- Höpflinger F. (2015) Frauen im Alter – Feminisierung des Alters // <http://www.hoepflinger.com/fhtop/Frauen-im-Alter.pdf>
- Kaessmann M. (2006) Ethische Perspektiven beim Blick auf den demografischen Wandel // Demografischer Wandel. Die Stadt, die Frauen und die Zukunft. Ministerium für Generationen, Familie, Frauen und Integration des Landes Nordrhein-Westfalen (Hrsg.). Düsseldorf, pp. 27–33.
- Kohli M. (1988) Ageing as a Challenge for Sociological Theory // Ageing and Society, no 8, pp. 367–394.
- Kolland Fr. (2015) Neue Kultur des Alters: Forschungsergebnisse, Konzepte und kritischer Ausblick // Bundesministerium für Arbeit, Soziales und Konsumentenschutz (Hrsg.). Wien.
- Pleasant N. (2008) Institutional Wrongdoing and Moral Perception // Journal of Social Philosophy, vol. 39, no 1, pp. 96–115.
- Roloff J. (2006) Das Alter ist Weiblich – Geschlechteraspekte des Demografischen Wandels in Deutschland Demografischer Wandel // Die Stadt, die Frauen und die Zukunft. Ministerium

für Generationen, Familie, Frauen und Integration des Landes Nordrhein-Westfalen. Düsseldorf, pp. 51–65.

Tews H.P. (1993) Neue und alte Aspekte des Strukturwandels des Alters // Lebenslagen im Strukturwandel des Alters (hrsg. Naegel G., Tews H.P.), Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 15–42.

Zinn J. (ed.) (2008) *Social Theories of Risk and Uncertainty*, Blackwell Publishing.

Aging Trajectories of Women in Modern Russia

I. GRIGORYEVA*, I. SIZOVA**

***Irina Grigoryeva** – Doctor of Science in Sociology, Professor, the Department of Sociology, St. Petersburg State University. Address: entr. 9, 1/3, Smolnogo St., Saint Petersburg, 191124, Russian Federation. E-mail: soc28@yandex.ru

****Irina Sizova** – Doctor of Science in Sociology, Professor, the Department of Sociology, St. Petersburg State University. Address: entr. 9, 1/3, Smolnogo St., Saint Petersburg, 191124, Russian Federation. E-mail: sizovai@mail.ru

Citation: Grigoryeva I., Sizova I. (2018) *Aging Trajectories of Women in Modern Russia. Mir Rossii*, vol. 27, no 2, pp. 109–135 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135

Abstract

This article studies the trajectories of aging among women in modern Russia, and how these trajectories transform in the context of increasing longevity, decreasing pensions and increasing uncertainty about the future.

In the first part of the article, the authors analyze the concept of aging and how the role of older generations in society is understood according to foreign and Russian studies. The authors conclude that the role and potential of older generations in society needs rethinking, which is a challenge both to social science and social security. The prevention of ageism, i.e., discrimination based on age at the institutional level and in the public discourse, requires a radical shift in the aging paradigm, the involvement of elderly in all aspects of life, and assistance to the elderly in shaping their life strategies in the context of complex and multiple choices.

The second part of the article discusses the phenomenon of feminization in old age. This leads to a highly nuanced vision of the changes in the current models of social stratification and inequality, revealing the particularity of the “worlds” of aging. An especially troubling situation is characteristic of Russia, where the proportion of older women is growing, and their social isolation is maintained at several levels: in the employment system, in the family sphere, in self-organization and in the subjective perception of their lives. The problems that women experience at different stages of their life cycle are exacerbated in their old age.

Based on these theoretical premises, the authors conduct an empirical study of basic aging patterns among Russian women aged 50 and above. Using Russian Longitudinal Monitoring Survey of HSE (waves 2009, 2011, 2015) they investigate these women's situations with employment, self-identification, and their forms of activity. The findings reveal that the main changes in the life of Russian women occur after age 60. After 60 they rapidly lose their partners, and change their status from "employed" to "retired" which negatively affects their lifestyles and self-realization. Their activity outside of employment also drops substantially after this age. The diversity and intensity of these activities vary by several interconnected aspects: the age of a woman, her involvement in professional activities, her marital status, wealth and health.

Key words: the path of woman aging, older generations, the feminization of old age, lifestyle, forms of activity, the identity

References

- 100 interv'y u sovetskimi zhenshchinami* (1975) [100 Interviews with Soviet Women], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Anisimov V.N., Zharinov G.M. (2013) Prodolzhitel'nost' zhizni i dolgozhitel'stvo u predstavitelej tvorcheskikh professij [Life Span and Longevity Among the Representatives of Creative Professions]. *Uspekhi gerontologii*, vol. 26, no 3, pp. 405–416.
- Ausgewählte Beiträge zum „Aktiven Altern“ (2012) [Selected Reports on „the Activation of Aging“] Österreichische Plattform für Interdisziplinäre Altersfragen. *Ein Auftrag des Bundesministeriums für Arbeit, Soziales und Konsumentenschutz* (Hrsg.), Wien.
- Barsukova S.U. (2005) Setevye obmeny rossiiskikh domokhoziaistv. Opyt empiricheskogo issledovaniya [Network Exchanges of Russian Households: an Empirical Study]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 34–45.
- Barsukova S.Yu. (ed.) (2016) *Reformy v Rossii v 2000-e gody. Ot zakonodatel'stva k praktikam* [Reforms in Russia in the 2000s. From Laws to Practices], Moscow: HSE.
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow: Progress-Tradizia.
- Bogdanova E.A. (2016) Trudovye otnosheniya s uchastiem pensionerov: zabota ili manipulyatsiya? [Labour Relations with the Participation of the Elderly: Care or Manipulation]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki*, vol. 14, no 4, pp. 535–550.
- Bozhko N.M., Zdravomyslova E.A. (2015) Biograficheskaya rabota, vospominaniya, peresmotr zhizni v pozdnem vozraste [Biographical Work, Memories and the Review of Life in the Old Age]. *Nashe proshloe: nostalgicheskie vospominaniya ili ugroza budushchemu?* [Our Past: Nostalgic Memories or Threat to the Future?] (ed. Bozhko N.M.), Saint Petersburg: Ejdos, pp. 126–137.
- Elyutina M., Trofimova O. (2017) Odinkoe prozhivanie i perezhivanie odinochestva v pozdnem vozraste [Living Alone and the Experience of Loneliness in the Old Age]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 15, no 1, pp. 37–50.
- Erikson E., Erikson J. (1997) *The Life Cycle Completed: Extended Version*, New York.
- Federalnyi zakon «Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya» ot 10.12.1995 v redaktsii Zakona 122 ot 22.08.2004 [The Federal Law “On the Basics of Social Services for the Population”]. *Garant.ru*. Available at: <http://base.garant.ru/10103878/1/>, accessed 28 February 2018.
- Federalnyi zakon «Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiiskoj Federatsii» ot 28.12. 2013 N 442-FZ [The Federal Law “On the Basics of Social

- Services for the Citizens in the Russian Federation”]. *Garant.ru*. Available at: <http://base.garant.ru/70552648/>, accessed 28 February 2018.
- Galtung J. (1990) Cultural Violence. *Journal of Peace Research*, vol. 27, no 3, pp. 291–305.
- Gladnikova E.V. (2007) Mezhpokolennye transferty: napravlenie, uchastniki i factory, ikh opredelyayushchie [Intergenerational Transfers: Direction, Participants and Determinants]. *Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory*, no 7.
- Grigor'eva I.A. (2006) Sotsial'naya politika i pozhiloe naselenie v sovremennoj Rossii: vyzovy i vozmozhnosti [Social Policy and Older Population in Modern Russia: Challenges and Opportunities]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 29–49.
- Grigoryeva I., Shubinsky M., Mayorova E. (2014) ICT as a Driver for Senior Citizens' Social Inclusion. *ACM International Conference Proceeding Series 8. "ICEGOV 2014 – 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance – Proceedings"*, pp. 292–295.
- Grigor'eva I.A., Vidyasova L.A., Dmitrieva A.V., Sergeeva O.V. (2015) *Pozhilye v sovremennoj Rossii: mezhdz zanyatost'yu, obrazovaniem i zdorov'em* [The Elderly in Modern Russia: Between Employment, Education and Health], Saint Petersburg: Aleteiya.
- Grigor'eva I.A. (2016) Internet v zhizni pozhilykh: namereniya i realnost' [The Internet in the Life of Old-aged: Expectations and Reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 82–85.
- Grigor'eva I.A. (2016) Smena paradigmy v ponimanii stareniya [The Change of the Paradigm in the Understanding of Aging]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 154–155.
- Halbwachs M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and Historic Memory]. *Neprikosnovennyi zapas*, no 2–3, pp. 8–27.
- Higgs P., Gilleard Ch., Rees Jones I. (2014) Egoistichnoe pokolenie: issledovanie kontseptsii [Exploring the Idea of a “Selfish Generation”]. *Sotsiologiya vlasti*, no 3, pp. 10–30.
- Höpflinger, F. (2006) Frauen und Generationenbeziehungen in der Zweiten Lebenshälfte [Women and Intergenerational Relations in the Second Half of their Life]. *Die Stadt, die Frauen und die Zukunft. Ministerium für Generationen, Familie, Frauen und Integration des Landes Nordrhein-Westfalen*, Düsseldorf (Hrsg.), pp. 255–269.
- Höpflinger F., Spahn S., Perrig-Chiello P. (2013) Persönliche Bilanzierung der Herausforderungen einer Verwitwung im Zeit- und Geschlechtervergleich [The Personal Results of the Widowhood's Calls in Gender and Time Comparison]. *Zeitschrift für Familienforschung*, vol. 25, no 3, pp. 267–285.
- Höpflinger F. (2015) *Frauen im Alter – Feminisierung des Alters* [Women in Old Age – the Feminization of Old Age]. Available at: <http://www.hoepflinger.com/fhtop/Frauen-im-Alter.pdf>, accessed 28 February 2018.
- Kaessmann M. (2006) Ethische Perspektiven beim Blick auf den Demografischen Wandel. [Ethical Perspectives in Times of Demographic Changes]. *Demografischer Wandel. Die Stadt, die Frauen und die Zukunft. Ministerium für Generationen, Familie, Frauen und Integration des Landes Nordrhein-Westfalen*, Düsseldorf (Hrsg.), pp. 27–33.
- Kleinenberg E. (2014) *Zhizn' solo: Novaya sotsial'naya real'nost'* [Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone], Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Kohli M. (1988) Ageing as a Challenge for Sociological Theory. *Ageing and Society*, no 8, pp. 367–394.
- Kolland Fr. (2015) Neue Kultur des Alters: Forschungsergebnisse, Konzepte und Kritischer Ausblick [The New Culture of Old Age: Results of Research, Concepts and Critical View]. *Bundesministerium für Arbeit, Soziales und Konsumentenschutz*, Wien.
- Madridskij plan v deistvii (2007). Rukovodyashchie printsipy obzora i otsenki Madridskogo mezhdunarodnogo plana dejstvii po problemam stareniya. Podkhod «snizu vverkh», predsmatryvayushchij shirokoe uchastie naseleniya [The Madrid Action Plan. Guidelines for Review and Appraisal of the Madrid International Plan of Action on Ageing. “The Bottom Upwards Approach”, Which Grants Broad Public Participation]. *United Nations*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/ageing_prog.pdf, accessed 28 February 2018.
- Materialy Natsional'nykh konferentsij 2013–2016 gg. (2016) [Materials of the National Conferences of 2013–2016]. *Obshchestvo dlya vsekh vozrastov* [Society for All Ages]. Available at: <http://old.ageing-forum.org/ru/event/conference-2016/>, accessed 28 February 2018.

- Nizamova A.N. (2016) Aktivnoe dolgoletie i vneshnij vid: kak teoreticheskaya kontseptsiya reguliruet samovospriyatie v starshem vozraste? [Active Longevity and Appearance: How Does a Theoretical Concept Regulate Self-perception in Older Age?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki*, vol. 14, no 4, pp. 569–585.
- Nodel'man V. (2017) Raznitsa v poroge starosti zhiteley regionov Rossii mozhet sostavlyat 13 let. Rossiyanе stareyut s raznoy skorostyu [The Difference in the Threshold of Aging in Different Regions Can Reach 13 years. Russians Get Older at Different Speeds]. *Izvestiya*. Available at: <http://izvestia.ru/news/658143#ixzz4XB6a9dqz>, accessed 28 February 2018.
- Pleasant N. (2008) Institutional Wrongdoing and Moral Perception. *Journal of Social Philosophy*, vol. 39, no 1, pp. 96–115.
- Reforma sistemy sotsial'nogo obsluzhivaniya (2007). Analiticheskij obzor [The Reform of Social Services. Analytical Review]. *Programma SPRILO «Podderzhka sodejstviya sokrashcheniyu bednosti v Leningradskoj oblasti»* [The SPRILO Programme “Support to Poverty Reduction in Leningrad Oblast”], Saint Petersburg: Selesta.
- Rogozin D.M. (2012) Liberalizatsiya stareniya, ili trud, znaniya i zdorov'e v starshem vozraste [Liberalisation of Aging, or Labour and Knowledge in the Old Age]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 4, pp. 62–93.
- Rogozin D.M., Ipatova A.A. (eds.) (2016) *Sotsiologiya stareniya: osvobozhdenie vozrasta* [Sociology of Aging: Liberalization of Old Age], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Roloff J. (2006). Das Alter ist weiblich – Geschlechteraspekte des demografischen Wandels in Deutschland Demografischer Wandel [Old Age Is Feminine – Gender Aspects of Demographic Changes in Germany]. *Die Stadt, die Frauen und die Zukunft. Ministerium für Generationen, Familie, Frauen und Integration des Landes Nordrhein-Westfalen*, Düsseldorf, pp. 51–65.
- Ruzhze V.L., Eliseeva I.I., Kadibur T.S. (1983) *Struktura i funktsii semejnykh grupp* [The Structure and the Functions of Family Groups], Moscow: Finansy i statistika.
- Shapiro V.D. (1980) *Chelovek na pensii* [Man in Retirement], Moscow: Mysl'.
- Shchanina E.V. (2009) Faktory sotsial'noj aktivnosti starshego pokoleniya [Factors of Social Activity of the Older Generation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij*, no 2(10), pp. 57–67.
- Shmerlina I.A. (2016) Molodost' FOREVER, ili osobennosti vozrastnoj samoidentifikatsii v starshem vozraste [Youth FOREVER or Peculiarities of Self-identification in the Old Age]. *Starikam tut mesto. Sotsial'noe osmyslenie stareniya* [The Elderly Must Be Here. Social Understanding of Aging] (eds. Rogozin D.M., Ipatova A.A.), Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 156–182.
- Sizova I.L. (2015) Sovremennaya politika i praktika podderzhki zanyatosti pozhilykh (opyt Germanii i ego vozmozhnosti primeneniya v Rossii) [Modern Policy and Practice of Supporting Employment Among the Elderly (German Experience and Its Possible Application in Russia)]. *Vlast'*, no 9, pp. 162–166.
- Sizova I.L. (2016) Osnovnye indikatory zanyatosti lits pensionnogo vozrasta i osobennosti trudovykh strategij muzhchin i zhenshchin v sovremennoj Rossii [Main Indicators of Employment of the Elderly and Special Features of Men and Women in Modern Russia]. *Rossiiskoe sotsiologicheskoe soobshchestvo: istoriya, sovremennost', mesto v mirovoi nauke* [Russian Sociological Community: History, Modernity and Place in International Science], Saint Petersburg: Skifiya-print, pp. 1042–1044.
- Smirnov S.N. (2016) Kontekst sotsial'nykh transformatsij v postsovetskie gody: ekonomicheskaya, institutsional'naya i demograficheskaya dinamika [The Context of Social Transformations in Post-Soviet Era: Economic, Institutional and Demographic Dynamics]. *Mir Rossii*, no 3, pp. 6–36.
- Sotsial'no-demograficheskij portret Rossii: Po itogam Vserossiiskoj perepisi naseleniya 2010 goda (2012) [The Social Democratic Portrait of Russia; According to the Russian Population Census of 2010]. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf, accessed 28 February 2018.
- Tews H.P. (1993) Neue und Alte Aspekte des Strukturwandels des Alters [New and Old Aspects of Structural Changes in Old Age]. *Lebenslagen im Strukturwandel des Alters* (hrsg. Naegel G., Tews H.P.), Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 15–42.

- Topilin M.A. (2016) Rano ili pozdno pensionnyj vozrast pridetsya povyshat' [Sooner or Later Pension Age Will Have to Be Raised]. *Komsomol'skaya pravda*. Available at: <http://www.nnov.kp.ru/daily/26623/3641128/>, accessed 28 February 2018.
- Vincent J.A. (2014) Ageing Contested: Anti-ageing Science and the Cultural Construction of Old Age. *Sotsiologiya vlasti*, no 3, pp. 159–180.
- Yakovlev V. (2015) Starost' nachinaetsya pozzhe. Chem otlichaetsya zhizn' posle 50 ot vsej predydushchei zhizni [The Old Age Comes Later. Life After 50 Is Different from the Rest of Life]. *Rossijskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2015/02/19/zrelost.html>, accessed 28 February 2018.
- Yankova Z.A. (1978) *Sovetskaya zhenshchina* [The Soviet Woman], Moscow: Politizdat.
- Zinn J. (ed.) (2008) *Social Theories of Risk and Uncertainty*, Blackwell Publishing.